

Factors of migration growth in modern Russia's regions

G. V. Saventsev¹, N. S. Flaot¹, D. V. Egorov¹, D. A. Kazantsev¹

¹Altai State University 61 Lenin Ave., Barnaul, 656049, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2022-2-162-177

Research article
Full text in Russian

This article provides the analysis of migration situation in Russian regions. It also deals with such issue as uneven flows of migration among the regions. Such quantitative methods were used to evaluate the factors of migration processes, as correlation, regression, cluster, factor analysis, analysis of variance and GIS analysis. Basing on the results of statistical analysis it was found that the strongest factors that make an impact on migration situation in regions are region's public image and social-economical profile. Furthermore, six groups of regions were developed based on their migration attraction. The least favorable in terms of this study are "outsider" regions, in which the migration loss is high due to low value of certain variables (this includes Far Eastern District, Siberian District and North Caucasus District). At the same time, there is a rather small group of favorable districts with steady migration flow. Such Districts' subjects as North-West and South Federal were found to be the center of attraction. Despite the above, most regions of Central Russia are neutral in terms of migration dynamics. It was concluded that social-economic factors such as standards of life and public image of a region (recreational appeal, climate etc.) make a valuable impact on migration attraction of Russian Federation subjects.

Keywords: migration; migration situation; factors; migration attractiveness; Russian regions; cluster analysis

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Saventsev, Gleb V. | E-mail: gleb.savencev@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6541-8190
Undergraduate

Flaot, Natalia S. | E-mail: natashaflaot@gmail.com
ORCID: 0000-0002-8807-4551
Undergraduate

Egorov, Daniil V. | E-mail: daniil_egorov2000@mail.ru
ORCID: 0000-0003-0623-3115
Undergraduate

Kazantsev, Dmirty A. | E-mail: dimkazanchev@mail.ru
(correspondence author) ORCID: 0000-0001-7287-6413
Doc. Sc. (Politics), Associate Professor

For citation: Saventsev G. V., Flaot N. S., Egorov D. V., Kazantsev D. A. Factors of migration growth in modern Russia's regions // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2022. Vol. 8, No 2. P. 162-177. (in Russ.)

Факторы миграционного прироста в регионах России на современном этапе

Г. В. Савенцев¹, Н. С. Флаот¹, Д. В. Егоров¹, Д. А. Казанцев¹

¹Алтайский государственный университет, пр. Ленина, 61, Барнаул, 656049, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2022-2-162-177
УДК 325

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье проводится анализ миграционной ситуации в регионах России, рассматривается проблема неравномерного распределения миграционных потоков между регионами. Для оценки факторов миграционных процессов используются количественные методы: корреляционный, регрессионный, дисперсионный, кластерный, факторный и ГИС-анализ. По итогам статистического анализа удалось установить, что наибольшее влияние на миграционную ситуацию в регионе оказывают факторы имиджевого и социально-экономического профиля. Также выявлено шесть групп регионов с точки зрения их миграционной привлекательности. Наименее благоприятная ситуация складывается в регионах-«аутсайдерах», где вследствие низких значений тех или иных переменных обнаруживается высокая миграционная убыль (большинство регионов Дальневосточного, Сибирского, Северо-Кавказского федеральных округов). При этом выделяется относительно небольшая группа «благополучных» субъектов, в которых локализуются миграционные потоки. Центрами притяжения выступают некоторые субъекты Северо-Западного и Южного федеральных округов. В то же время большинство регионов Центральной России отличается нейтральной миграционной динамикой. Сделан вывод о значимом влиянии социально-экономических показателей (уровень жизни) и образа региона (туристическая привлекательность, благоприятный климат и т. д.) на миграционную привлекательность субъекта Российской Федерации.

Ключевые слова: миграция; миграционная ситуация; миграционная привлекательность; факторы миграции; регионы России; кластерный анализ

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Савенцев, Глеб Вячеславович | E-mail: gleb.savencev@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6541-8190
Студент

Флаот, Наталья Сергеевна | E-mail: natashaflaot@gmail.com
ORCID: 0000-0002-8807-4551
Студент

Егоров, Даниил Владимирович | E-mail: daniil_egorov2000@mail.ru
ORCID: 0000-0003-0623-3115
Студент

Казанцев, Дмитрий Анатольевич | E-mail: dimkazanchev@mail.ru
(автор для корреспонденции) ORCID: 0000-0001-7287-6413
Старший преподаватель кафедры философии и политологии

Для цитирования: Савенцев Г. В., Флаот Н. С., Егоров Д. В., Казанцев Д. А. Факторы миграционного прироста в регионах России на современном этапе // Социальные и гуманитарные знания. 2022. Том 8, № 2. С. 162-177.

© Савенцев Г. В., Флаот Н. С., Егоров Д. В., Казанцев Д. А., 2022

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Введение

В современном мире глобализация и развитие массовых коммуникаций, помимо всего прочего, приводят не только к росту мобильности человека, но и в целом к оттоку населения из периферий в сторону динамично трансформирующихся центров. Этот феномен, во многом определяющий исторический и социально-экономический портрет общества, является частью более масштабного явления – миграции. В конечном счете, устойчивая и поступательная эволюция государств, а также их территорий невозможна без анализа, контроля, прогнозирования и коррекции миграционных процессов.

Всестороннее и комплексное изучение причин миграции начинается в период индустриализации общества и приводит к бурному становлению отдельной области научного знания. Пионером в этой сфере стал английский географ и статистик XIX в. Э. Г. Равенштейн, описавший важнейшие закономерности внутренней и внешней миграции [1]. Он пришел к выводу, что миграционные процессы во многом определяются экономическими причинами, а также выделил 11 законов, ставших классическими.

Дальнейшие работы, вплоть до второй половины XX в., проводились в рамках неоклассической теории миграции, в основу которой был положен принцип преобладания экономических факторов в интерпретации причин переселений. Например, американский социолог Э. Ли разделяет их на «pull factors» (направленные на удержание мигрантов) и на «push factors» (выталкивающие их), среди них: доход, безопасность, особенности рынка труда [2]. Другие исследователи: Р. Харрис и М. П. Тодаро, объясняя миграцию сельского населения в города, – указывают, что переселение людей тогда рационально для таковых, когда их ожидаемые доходы в урбанизированных территориях будут больше, чем в сельских [3].

В противовес неоклассикам сторонники современных теорий миграции отходят от понимания таковой как исключительно рационального акта индивида. Вместо этого они акцентируют внимание в большей степени на неэкономических причинах миграции, например, близости к родственникам, удобстве местности, климате, безопасности, качестве жизни и т. д., особенно это касается высококвалифицированных мигрантов, для которых самовыражение порой оказывается важнее достатка [4].

Влияние неэкономических факторов, в особенности образования, выделяли Р. Инглхарт, Э. Д. Панарин и М. В. Равлик. Ученые, используя регрессионные модели, на примере международных миграций установили, что переселению способствуют не только трудные жизненные обстоятельства, но и стремление людей достичь успеха [5].

Восполняя нехватку комплексных моделей миграции, Г. Пачеко, С. Россоу и Д. Льюер на примере стран Организации экономического сотрудничества и развития создают обобщенный индекс качества жизни (QOL), включающий множество переменных (от выбросов углекислого газа на одну тысячу жителей до процента иммунизации детей), и показывают, что неэкономические факторы не являются определяющими в ходе миграции [6].

В этом смысле сложно не согласиться с выводом В. Кумпикаите и И. Зицкуте: из-за огромного числа факторов невозможно сформулировать единую теорию миграции, однако первые можно комбинировать. За основу исследователи предлагают брать «push and pull theory», позволяющую рассматривать как экономические,

так и неэкономические детерминанты в качестве выталкивающих или удерживающих человека параметров [7].

Существенный вклад в изучение миграции внесла отечественная научная школа. Политические, экономические и социальные особенности эволюции российского государства, его географическое положение и переломные исторические события вкпе создали уникальные условия для миграции и распространения населения на территории страны.

Понимая факторы миграции как совокупность естественных и общественных условий и обстоятельств, влияющих на миграционные установки населения [8], российские исследователи подразделяют их на климатические, этно-демографические и социально-экономические [9] или на объективные и субъективные: к первым относятся эколого-географические, этнические, военно-политические, экономические, социальные и демографические факторы, а к субъективным – психологические показатели в их связи с экологией, этническими особенностями, политикой, экономикой, социальными и демографическими условиями [10].

Среди прочего на миграции оказывают влияние культурное развитие субъекта (наличие музеев, театров и т. д.) [11, с. 123], а также положительный образ региона, складывающийся из географического местоположения, ритма жизни, эстетического облика территорий, туристической привлекательности [12, с. 43–44]. Можно предположить, что опыт посещения региона в рекреационных целях, а также сложившийся положительный образ субъекта являются поводом к дальнейшему переселению. Данный фактор играет особую роль в случае миграционной убыли населения северных территорий страны, значительная часть которой «формируется за счет старших трудоспособных возрастов, в которых жители севера по факту являются пенсионерами» [13, с. 155].

Связанный с климатическим, географический фактор миграции крайне актуален для России, имеющей сложную территориальную структуру. Стремление граждан к переселению в наиболее благоприятные, с точки зрения качества жизни, территории находит свое отражение в концепции «западного дрейфа». Н. В. Мкртчян условно разделил Россию на пять миграционных зон: Европейская принимающая зона (Москва, Санкт-Петербург, Поволжье, Юго-Запад), Республики ЮФО, Европейский Север, Урал и Западная Сибирь, Восточная отдающая зона [14]. В другой работе автор указывает на то, что «при переходе к рынку, безработица, деградация социальной инфраструктуры многих городов и поселков обнажили проблемы их частичной перенаселенности» [15, с. 79]. Существующие в регионах с миграционным оттоком льготы и надбавки, как и уровень заработной платы, стали менее привлекательными для человека из-за быстро растущей инфляции, в связи с чем его экономические стимулы к переезду, особенно в северные регионы, иссякли. При этом ведение личного подсобного хозяйства оказалось сильно затруднено из-за суровости климата [15].

Другие исследователи, осмысливая феномен оттока населения на запад России, объясняют природу этого процесса с точки зрения неоклассической теории миграции, ставя во главу угла экономические мотивы людей. М. С. Пальников характеризует «западный дрейф» как «вынужденную, экономически мотивированную миграцию» [16, с. 165]. Е. Л. Мотрич, анализируя динамику демографических и миграционных процессов в Дальневосточном ФО, отмечает, что главной причиной массового миграционного оттока населения является неконкурентоспособность федерального

округа по уровню социально-экономических параметров относительно других округов [17]. Исследователи Е. В. Донец и О. С. Чудиновских объясняют отток населения с востока страны слабой обеспеченностью территорий инфраструктурой, высокими ценами и суровостью климата. При этом они выявляют тренд на локализацию направлений миграции на западе России до всего лишь нескольких регионов [18].

Не менее значимым с точки зрения миграционной привлекательности субъекта является урбанизация, влияние которой проявляется не только во внутрирегиональных перемещениях по линии «село-город», но и в миграционных потоках между аграрными и индустриальными регионами. Н. В. Зубаревич в своей концепции «Четырех России» обращает внимание на миграции между городами-миллионниками («первая Россия»), крупными промышленными городами со средней численностью населения («вторая Россия»), сельской местностью («третья Россия») и национальными республиками Северо-Кавказского федерального округа и юга Сибири. Миграция, согласно ее подходу, направлена в наиболее благоприятные с точки зрения условий жизни города «первой России»: на федеральные центры – Москву и Санкт-Петербург приходится около 80 % притока миграции, остальные 20 % – на остальные города-миллионники. Именно здесь находятся высокооплачиваемые рабочие места, возможности для образования и т. д. Остальные города и территории фактически являются донорами мигрантов [19]. При этом демографический кризис возникает и в регионах-реципиентах, где усиливается социальная напряженность, которую Д. Е. Комков и П. Н. Киричек называют «хаосом» [20, с. 143], расширение социальной и транспортной инфраструктуры отстает от все растущей численности населения и темпов жилищного строительства.

Проблема диспропорции размещения населения России отмечается и в «Концепции миграционной политики РФ на 2019–2025 гг.», в которой прямо заявляется о том, что «весь потенциал внутренней миграции приходится на такие городские агломерации, как Москва и Санкт-Петербург, а также на Краснодарский край»¹. Существующее положение дел не только приводит к упадку экономик в регионах-донорах, но и актуализирует проблему национальной безопасности, приводит к демографическому и миграционному давлению со стороны Китая на восточные территории России. Н. А. Ерохин считает, что сохранение текущих тенденций в перспективе может привести к потере национальной целостности государства [21, с. 42]. Дополнительной угрозой в этой связи становится замещение коренных жителей регионов СФО и ДФО мигрантами из стран СНГ. Легальные трудовые миграции сами по себе не являются проблемой, напротив, стимулируют экономическое развитие территорий. Однако при растущем числе приезжих и массовом оттоке местного населения это приводит к обострению социальных конфликтов, порой достигающих уровня «мигрантофобии», что находит свое отражение в стихийных протестах против мигрантов [22, с. 100], например, в Якутии в 2017 г.

Концепция миграционной политики РФ видит решение проблемы неравномерного размещения населения страны и растущего миграционного оттока из ДФО и СФО в разработке социально ориентированной стратегии развития регионов. Для этого необходимо иметь представление о всем многообразии причин, влияющих на принятие гражданами РФ решений о миграции и выборе того или иного ме-

¹ Указ Президента РФ от 31.10.2018 № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/58986> (дата обращения: 20.09.2021).

ста прибытия. Несмотря на широкий спектр факторов миграции, выделяемых российскими и зарубежными авторами, преобладающими в большинстве исследований остаются социально-экономические показатели, однако они не являются единственными. В данной ситуации возникает необходимость учета иных, неэкономических факторов в целях прогнозирования миграционных процессов в регионах России.

Методы

Временные рамки исследования охватывают только 2019 г. по причине начала пандемии COVID-19, оказавшей заметное влияние на миграционные процессы внутри и вовне России. В 2020–2022 гг. студенческие и трудовые миграции изменили свои объемы ввиду закрытия границ между странами и регионами, отмены обязательной сдачи ЕГЭ, введения дистанционного формата работы малых и средних предприятий и многого другого. Также пандемия коронавируса могла повлиять и на иные рассматриваемые в исследовании показатели регионов, в частности на уровень жизни населения.

В рамках работы в качестве зависимой переменной выступает «Миграционный прирост», понимаемый как способность региона увеличивать свое население посредством миграции. Для расчета переменной авторы перевели миграционное сальдо субъекта за 2019 г. в процент от общей численности граждан региона. Относительные показатели позволяют объективно сравнить миграционную ситуацию в малых и крупных регионах. Данные по миграционному приросту взяты из отчетов Росстата, которые отражают только зарегистрированные перемещения граждан на постоянное место жительства. За базовую численность региона взяты данные по численности населения субъекта в среднем за 2019 г. [23].

В качестве независимых переменных выбраны «Доля городского населения» [Там же], «Сводный рейтинговый балл качества жизни в регионах России» [24], включающий в себя уровень доходов, занятость населения, безопасность и т. п., «Национальный туристический рейтинг» [25], отражающий туристическую уникальность субъекта, развитость гостиничной инфраструктуры, популярность среди туристов, продвижение региона в информационном поле и т. п., «Индекс человеческого развития» [26], а также «Сводный индекс экологического благополучия» [27], выступающий как природоохранная деятельность в регионе, развитость институтов гражданского общества в области экологии, промышленная загрязненность и т. д.

Анализируемые показатели всесторонне отражают не только уровень жизни региона, но и его имиджевые характеристики (места в национальных «топах», туристическая привлекательность, климат и экология и т. д.). «Доля городского населения» включена в исследование для проверки гипотезы о влиянии урбанизации на миграционную привлекательность территорий. По мнению ряда авторов, аграрные регионы испытывают больший отток населения, нежели индустриальные. В свою очередь, «Сводный рейтинговый балл качества жизни», активно распространяемый в СМИ, является комплексной оценкой уровня жизни в регионе. Он включает в себя такие значимые показатели, как климат, развитость социальной инфраструктуры, безопасность, жилищные условия, доходы населения и т. д. На ранних этапах исследования использовались переменные, отражающие уровень заработной платы, потребительских цен, количество высших учебных заведений, среднюю стоимость недвижимости в регионе и т. д., однако полученные данные имели аномалии, а также иные отклонения в распределениях или описательной статистике, вслед-

ствии чего предпочтение было отдано комплексным показателям, позволяющим провести корректные сравнения субъектов России.

В целях решения поставленных исследовательских задач были проведены корреляционный, регрессионный, дисперсионный, кластерный, факторный анализы, а также ГИС-анализ. Столь обширный перечень статистических методов, применяемый в статье, призван установить спектр взаимосвязей между переменными. Обработка материалов проводилась в специализированных статистических программах SPSS и Statistica.

Результаты

Оценка характера связей между группами регионов, а также выявление потенциальных нетипичных объектов в первую очередь происходили посредством инструментария кластерного анализа (далее КА), в него включались все 85 регионов (проведена стандартизация). Кластерный анализ показал наличие не менее шести кластеров по рассматриваемым выше переменным, что видно по дендрограмме наблюдений и диаграмме расстояний объединения по шагам, отображенным на рис 1.

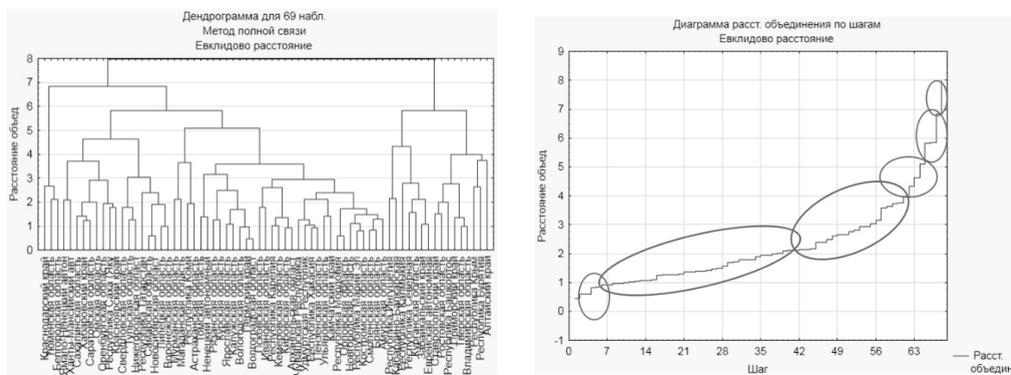

Рисунок 1. Иерархическая кластеризация в Statistica².

На рисунке 2 демонстрируются характерные особенности каждого кластера по средним значениям переменных, которые участвовали в кластеризации методом К-средних. В первый кластер вошли так называемые «промышленные» регионы – Ханты-Мансийский автономный округ, Красноярский край, Омская, Свердловская, Тульская и Нижегородская области, а также регионы Дальнего Востока, такие как Якутия, Приморский и Хабаровский края, Сахалинская область. Данную группу отличают близкий к нулю миграционный прирост, высокая степень урбанизации, также высокие показатели качества жизни, ИЧР и туристической привлекательности, однако самые низкие по стране показатели по экологии, что может быть связано с индустриальной специализацией регионов, высокой концентрацией в север-

² На древовидной дендрограмме слева горизонтальная ось представляет наблюдения, вертикальная – расстояние объединения, объекты, имеющие минимальное расстояние, объединяются в кластеры. На рисунке справа – результаты древовидной кластеризации в графическом виде.

ных районах нефтедобывающих комплексов и т. д. Тем не менее отток населения из этих регионов невысок.

Второй кластер наиболее многочисленный. Он показывает средние значения по всем представленным переменным. Миграционный прирост практически равен нулю. Однако близость к Москве и другим крупным региональным центрам дает основания полагать, что население активно мигрирует в столицу, официально не меняя место регистрации. Поэтому миграционная убыль в таких субъектах не отражена в официальной статистике. В кластер вошли практически все области Центральной России и Северо-Запада, в Сибири это Томская и Кемеровская области, а также Хакасия, миграционным реципиентом для которых является Новосибирская область. Неожиданно в данном кластере оказалась Амурская область. Вероятно, это связано с близостью к границе и развивающемуся Приморскому краю, а также с более благоприятными по сравнению с регионами первого кластера экологическими условиями.

Третий кластер – «аутсайдеры» – создан из регионов с низкими показателями по всем анализируемым переменным. В него попали практически все республики Северного Кавказа, а также Бурятия, Забайкальский край, Курганская область и Еврейская автономная область. В этих регионах население не имеет финансовых возможностей для переезда вследствие низкого уровня жизни, который, в свою очередь, обусловлен упадком промышленности (иных сфер) и низким темпом развития региональных экономик.

Четвертый кластер – «благополучные» – включает наиболее привлекательные, с точки зрения миграции, регионы страны. Их отличает высокое качество жизни, миграционный прирост, ИЧР и средние показатели урбанизации. Также субъекты занимают верхние позиции в «Национальном туристическом рейтинге». Сюда вошли Новосибирская и Тюменская области (крупные промышленные центры Сибири), Самарская область и Татарстан в Поволжье, а также южные регионы европейской части России – Белгородская, Воронежская, Ростовская области, Краснодарский край. Многие из представленных субъектов не отличаются высокими доходами населения или развитым рынком труда, однако благоприятный климат и высокий уровень жизни привлекают граждан со всей страны.

При проведении кластерного анализа с учетом всех регионов России в данную группу вошли также Калининградская, Ленинградская, Московская области и Адыгея, которые были исключены на первом этапе исследования. В этих субъектах наблюдается наибольший миграционный прирост по стране (более 2 % от численности «своего» населения).

Еще один кластер обладает наибольшим миграционным оттоком среди всех регионов России. В него вошли Мурманская и Астраханская области, Республика Коми, Ямало-Ненецкий АО, Магаданская область и Камчатский край. Данные субъекты отличаются в основном добывающим характером промышленности, суровыми климатическими условиями и слабой инфраструктурой, что является причиной миграционной убыли. При этом для регионов Крайнего Севера присущ вахтовый метод заработка, предполагающий временное проживание граждан с целью дальнейшего переезда. Республика Коми продемонстрировала наибольший миграционный отток (более 1 % своего населения в 2019 г.).

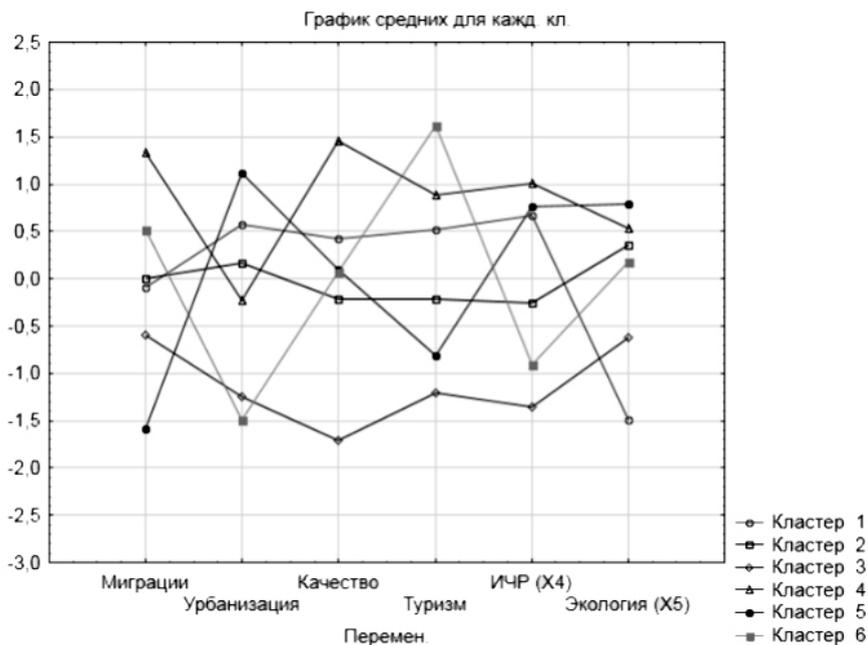

Рисунок 2. График средних значений для каждого кластера методом К-средних³.

Шестой кластер является самым малочисленным. В него вошли всего четыре региона: Крым, Ставропольский и Алтайский края, Республика Башкортостан. Вероятно, такие результаты кластерного анализа связаны с низкой урбанизацией и высокой туристической привлекательностью данных субъектов. При этом стоит подчеркнуть, что миграционный приток дают преимущественно Крым и Ставропольский край. Видимо, такой прирост связан не с уровнем жизни, а благоприятным климатом.

Особое место в кластерном анализе заняла Москва, которая для всей совокупности объектов всегда выделяется в отдельный кластер по всем переменным. Примечательно, что Санкт-Петербург, Московская и Ленинградская области, следующие по качеству жизни за Москвой, ближе к четвертому кластеру, нежели к столице (см. рис. 3).

Итоги кластерного анализа удалось расширить и подтвердить в рамках корреляционного, факторного и регрессионного анализов. В целях выявления общих закономерностей без учета влияния регионов с аномальными значениями тех или иных переменных по результатам одномерного анализа было отобрано 69 субъектов России (из 85). Регионы, занимающие предельные верхние или нижние значения по большинству указанных переменных, рассмотрены отдельно, среди таких объектов – г. Москва и г. Санкт-Петербург, регионы Крайнего Севера, а также национальные республики Сибири и Северного Кавказа.

³ На графике по горизонтали отложены переменные, а по вертикали – стандартизированные средние значения переменных в разрезе полученных кластеров.

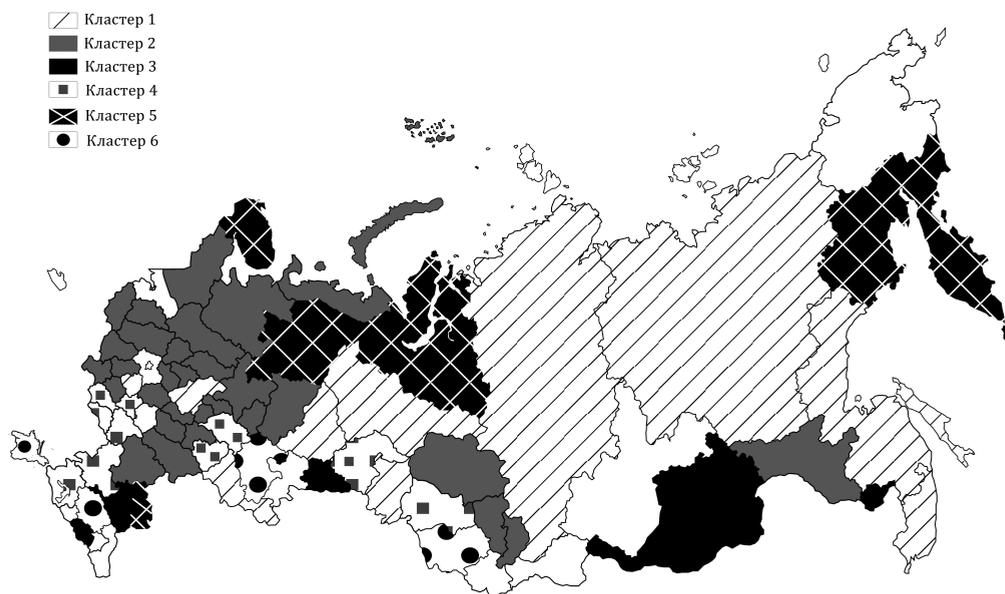

Рисунок 3. Территориальное распределение кластеров.

На следующем этапе для обнаружения многообразия связей между переменными, определяющих положение региона в кластерах, использовался коэффициент корреляции Пирсона (R_{xy}). Результаты корреляционного анализа представлены в таблице 1. Анализ показал наличие умеренной статистически значимой связи ($p=0,01$) между зависимой переменной (миграционный прирост) и независимыми – сводный рейтинг качества жизни (0,478), туристическая привлекательность (0,426). В таблице присутствуют косвенные признаки мультиколлинарности, то есть корреляции независимых переменных друг с другом, ее следует учитывать в дальнейшем. Статистически значимой оказалась связь между долей городского населения и Индексом человеческого развития, далее ИЧР, (0,375), между сводным рейтингом качества жизни и туристической привлекательностью (0,556), и ИЧР (0,616).

По итогам корреляционного анализа установлено, что на миграционный прирост оказывают влияние показатели качества жизни и туристической привлекательности, при этом обнаружилась взаимная связь рассматриваемых переменных. Это может быть связано с тем, что регионы, лидирующие в рейтинге качества жизни, как правило, отличаются развитой инфраструктурой (в том числе туристической) и благоприятным климатом. И с другой стороны, туристическая отрасль оказывает дополнительное благотворное влияние на рост качества жизни благодаря появлению дополнительных налогов и сборов, что было отражено еще в рамках кластерного анализа.

Связь факторов и миграционного прироста в 2019 г.⁴

Переменная	Миграционный прирост в 2019 г., Y	Доля городского населения, X1	Сводный рейтинговый балл качества жизни в регионе, X2	Туристическая привлекательность, X3	ИЧР, X4	Экология, X5
Миграционный прирост в 2019 г., Y	1					
Доля городского населения, X1	0,2026976	1				
Сводный рейтинговый балл качества жизни в регионе, X2	0,4788727	0,2785797	1			
Туристическая привлекательность, X3	0,4266022	0,0257217	0,5562063	1		
ИЧР, X4	0,1394922	0,3755420	0,6167327	0,1641280	1	
Экология, X5	0,1009534	0,0036382	0,1272085	0,0784826	0,06538	1

Затем для уточнения найденных связей к данным был применен линейный регрессионный анализ (далее РА), предварительно авторами оценены остатки на гомоскедастичность, построены диаграммы рассеивания, выявлены условные признаки нелинейности связей. Парный регрессионный анализ показал наличие умеренной статистически значимой связи между зависимой переменной – миграционным приростом – и двумя независимыми переменными – качеством жизни (0,47) и туристической привлекательностью (0,42). Результаты парного линейного регрессионного анализа представлены в таблице 2.

Таблица 2

Результаты парного регрессионного анализа

Переменная	Коэффициент корреляции	Коэффициент детерминации	Статистическая значимость
Доля городского населения, X1	0,20	0,04	Нет
Сводный рейтинговый балл качества жизни в регионе, X2	0,47	0,23	Да
Туристическая привлекательность, X3	0,42	0,18	Да
ИЧР, X4	0,03	0,001	Нет
Экология, X5	0,04	0,001	Нет

⁴ ИЧР – индекс человеческого развития. Цветом выделены статистически значимые связи: чем темнее цвет, тем выше сила связи.

В первом случае коэффициент детерминации составил около 23 %, что позволяет распространить связь между зависимой и независимой переменной в среднем на 15–16 регионов, а во втором случае он составил около 18 %, то есть связь обнаруживается в отношении в среднем 12–13 регионов. Для 1/5 российских регионов факторы качества жизни и туристической привлекательности действительно оказывают влияние на миграционный прирост, однако найденная сила связи свидетельствует о том, что эти факторы не единственные. В рамках проверки характера взаимного влияния переменных качества жизни и туристической привлекательности друг на друга проведен множественный регрессионный анализ, который показал наличие умеренной статистически значимой связи (0,51) с учетом всех ограничений метода. После рассматриваемые независимые переменные тестировались на «совместный эффект», и было обнаружено, что примерно для 25 % выборки характерна умеренная статистически значимая связь (0,51). Учитывая ранее выявленную мультиколлинеарность, можно утверждать, что в среднем для 1/4 субъектов РФ характерно совместное влияние качества жизни, туристической и климатической привлекательности на миграционный прирост. Данные цифры являются приближительными, так как мультиколлинеарность искажает вклад переменных в общую долю качества модели.

Таким образом, на миграционную привлекательность регионов влияют не только экономические, но и неэкономические показатели. Подтверждается исследовательская гипотеза о высокой привлекательности регионов юго-западной России за счёт благоприятного климата и туристической привлекательности. В северо-западную часть страны мигрантов привлекает «культурная столица» – Санкт-Петербург, а также имеющая географически благоприятное расположение Калининградская область. Кроме того, позитивно влияют сформированный положительный образ этих субъектов и высокие позиции в национальных рейтингах. Также заметны тенденции «западного дрейфа»: абсолютное большинство субъектов ДФО и СФО испытывают существенный миграционный отток населения. Закономерны переселения граждан из регионов пятого кластера (Мурманская, Магаданская, Астраханская области, Республика Коми, Ямало-Ненецкий АО, Камчатский край) в связи с удаленностью от центра и суровыми климатическими условиями.

Стабильными в этом смысле выглядят регионы Центральной России, в которых миграционное сальдо приблизительно равно нулю, однако можно предположить, что в этих регионах всё-таки происходит отток населения в столицу. Граждане из ближайших к Москве регионов переезжают, но официально не меняют своё место жительства, что не может учитывать официальная статистика.

Совместное влияние независимых переменных на зависимую, установленное еще в период проведения РА, также было обнаружено в ходе факторного анализа, который выявил наличие одного основного и двух гипотетических факторов, отраженных в матрице факторных нагрузок в таблице 3.

Результаты факторного анализа для анализируемых переменных⁵

Переменная	Фактор 1	Фактор 2	Фактор3
Миграционный прирост в 2019 г., Y	0,829880	-0,185790	0,167224
Доля городского населения, X1	-0,166893	0,848478	-0,075180
Сводный рейтинговый балл качества жизни в регионе, X2	0,744750	0,543608	0,122014
Туристическая привлекательность, X3	0,799612	0,083335	-0,233974
ИЧР, X4	0,308651	0,773189	0,122291
Экология, X5	0,018808	0,024115	0,968933
Общая дисперсия	2,006205	1,655290	1,057033
Доля общей дисперсии	0,334368	0,275882	0,176172

Первый фактор сильнее других объясняет дисперсию, он определяется следующими переменными: миграционный прирост (Y), туристическая привлекательность (X3) и сводный рейтинг качества жизни (X2). В первый фактор вошла зависимая переменная, поэтому условно можно обозначить его как стремление граждан к комфортной жизни.

Второй фактор определяется долей городского населения (X1) и ИЧР (X4), что характеризует урбанизированные территории, индекс человеческого развития в которых обычно выше, чем в сельской местности. Данные переменные привлекают людей с точки зрения возможностей самореализации.

Дополнительный фактор могли образовать переменные, характеризующие экологическую обстановку в регионе, и, потенциально, климатические параметры субъекта, поэтому переменная «Сводный экологический рейтинг благополучия» определялась отдельно, что требует дальнейших уточнений.

Обсуждение

По итогам исследования установлено, что миграционный прирост в регионах России носит неравномерный характер. Феномен «западного дрейфа» все еще остается актуальным. Люди предпочитают мигрировать с территорий Дальнего Востока, Сибири и Крайнего Севера в федеральные центры – Москву, Санкт-Петербург и кластер «благополучных» регионов, большая часть которых находится в центре и на юго-западе страны. Эти выводы подтверждают характер миграции, описанный

⁵ Факторам соответствуют столбцы, переменным – строки, значения факторной нагрузки на пересечениях показывают относительную величину проекции переменной на факторную координатную ось, чем выше нагрузка по модулю, тем больше близость фактора к переменной.

в концепции Н. Зубаревич «Четыре России»: основная часть миграционных потоков направлена в города-миллионники с высокими зарплатами и развитой инфраструктурой. В азиатской части страны локальными точками притяжения мигрантов являются благоприятные с точки зрения качества жизни Новосибирск и Тюмень, которые привлекают в основном население соседних регионов. Наибольший отток людей наблюдается в регионах-аутсайдерах, в число которых, помимо всего прочего, входят национальные республики Северного Кавказа и юга Сибири, здесь показатели качества жизни достаточно низкие, а экономика развивается медленно и малоэффективно.

Ведущим фактором миграционного прироста Москвы и Санкт-Петербурга выступают социально-экономические показатели, а для юго-западных регионов России (таких как Воронежская, Белгородская, Ростовская области), помимо общего качества жизни, – туристическая привлекательность и благоприятные климатические условия.

Однако результаты различных видов анализа показывают, что экономический фактор, являясь важным для мигрантов, оказывается все-таки не единственным, что говорит в пользу сторонников комплексного подхода к оценке миграции. Роль других неэкономических факторов планируется оценить в последующих исследованиях.

Также стоит отметить, что общая миграционная ситуация в восточных регионах страны, особенно на Дальнем Востоке, остается неблагоприятной, в связи с чем государством разрабатываются специальные государственные программы и концепции. Однако «отдающие» регионы ДФО не достигают поставленных показателей демографического развития до 2025 г. Например, согласно Концепции демографической политики Дальнего Востока, на период до 2025 г. планировалось достижение численности населения 6,2 миллиона человек за счет естественного прироста и нулевого миграционного баланса. Но в большинстве регионов наблюдается миграционный отток населения, а общая численность на 1 января 2021 г. составила 6,085 миллиона человек без учета присоединенных Республики Бурятия и Забайкальского края⁶. В условиях начавшейся в 2020 году пандемии COVID-19, а также оттока населения из этих регионов достижение целевого показателя численности населения на уровне 6,5 миллиона человек к 2025 г. представляется невозможным.

Дальневосточный ФО по-прежнему остается наименее конкурентоспособным с точки зрения социально-экономических показателей и непривлекательным для потенциальных мигрантов. Более того, при сохранении существующих миграционных тенденций и сокращении постоянного населения в ДФО и СФО в будущем Россия может столкнуться с проблемой обеспечения стратегической безопасности своих границ в регионе, а также обострением социального кризиса как на фоне растущей ксенофобии и «мигрантофобии», так и в плане увеличивающейся нагрузки на транспортную и социальную инфраструктуру центральных регионов страны.

Политика государства по урегулированию внутренней миграции может быть направлена как на выравнивание региональных различий с целью сокращения оттока населения с восточных территорий страны, так и на более эффективное использование имеющихся трудовых ресурсов на местах [28, с. 160]. Однако существующие

⁶ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20.06.2017 г. № 1298-р «Концепция демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 года». URL: <http://static.government.ru/media/files/IcS1tqRUBHAPAQ3TtgHvSmKSeQFMzZSv.pdf> (дата обращения: 20.09.2021).

проекты развития ДФО и СФО сконцентрированы вокруг крупных региональных центров, таких как Владивосток, Новосибирск, Тюмень, в то время как другие территории продолжают оставаться кризисными. С 2019 г. диспропорция размещения населения только усугубилась, что говорит либо о нежелании властей прекращать миграционный отток с депрессивных территорий, ограничиваясь замещением местного населения приезжими, либо о неэффективности избранных путей решения данной проблемы.

Государству необходимо осуществить активные и решительные действия по обеспечению динамичного экономического роста, повышения качества жизни населения, реализации крупных инфраструктурных проектов в регионах ДФО, СФО и Крайнего Севера. В противном случае достижение целевых показателей демографического развития страны, а также равномерного развития субъектов РФ станет невозможным. Для успешного преодоления миграционного оттока из восточной части страны нужны как усилия в социально-экономической сфере, так и формирование благоприятного образа регионов ДФО и СФО.

Ссылки

1. Ravenstein E. The Laws of Migration // *Journal of the Statistical Society*. 1885. № 46. P. 167–235.
2. Lee E. S. A Theory of Migration // *Demography*. 1966. № 3 (1). P. 47–57.
3. Harris J. R., Todaro M. P. Migration, Unemployment and Development: A Two-Sector Analysis // *American Economic Review*. 1970. № 60 (1). P. 126–142.
4. Liebig T. Migration theory from a supply-side perspective. Discussion Paper. № 92. Research Institute for Labour Economics and Labour Law. St. Gallen: University of St Gallen, 2003. 36 p.
5. Инглхарт Р. Ф., Панарин Э. Д., Равлик М. В. Регрессионные модели в оценке факторов международной миграции // *Социологические исследования*. 2014. № 11. С. 22–31.
6. Pacheco G. A., Rossouw S., Lewer J. Do Non-Economic Quality of Life Factors Drive Immigration? // *Social Indicators Research*. 2011. № 110 (1). URL: https://www.researchgate.net/publication/45143430_Do_NonEconomic_Quality_of_Life_Factors_Drive_Immigration (date of access: 10.11.2021).
7. Kumpikaite V., Zickute I. Synergy of Migration Theories: Theoretical Insights // *Inzinerine Ekonomika-Engineering Economics*. 2012. № 23 (4). P. 387–394.
8. Рыбаковский Л. Л. Факторы и причины миграции населения, механизм их взаимосвязи // *Народонаселение*. 2017. № 2 (76). С. 51–61.
9. Переведенцев В. И. Методы изучения миграции населения. АН СССР, Ин-т междунар. рабочего движения. М.: Наука, 1975. 231 с.
10. Рязанцев С. В. Влияние миграции на социально-экономическое развитие Европы: временные тенденции. Ставрополь: СГУ, 2001. 542 с.
11. Вакуленко Е. С. Мотивы внутренней миграции населения в России: что изменилось в последние годы? // *Прикладная эконометрика*. 2019. Т. 55. С. 113–138.
12. Огаркова И. В., Саргаева Е. С. Анализ факторов, влияющих на имидж региона // *Научный результат. Технологии бизнеса и сервиса*. 2020. № 6 (2). С. 41–51.
13. Ефремов И. А. Современные миграционные процессы на Крайнем Севере России // *Регионоведение*. 2016. № 4 (97). С. 140–159.

14. Мкртчян Н. В. Миграция в России: западный дрейф // Демоскоп Weekly. 2005. № 185–186. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2005/0185/tema01.php> (дата обращения: 10.11.2021).
15. Мкртчян Н. В. Внутренняя миграция: Великое прошлое и скромное будущее // Миграция в России, 2000–2012: Хрестоматия: В 3 т. Т. 1, ч. 1: Миграционные процессы и актуальные вопросы миграции. М.: Спецкнига, 2013. С. 78–96.
16. Пальников М. С. Внутренняя миграция в России 1990–2013 гг.: Основные параметры и особенности «Западного дрейфа» // Актуальные проблемы Европы. 2014 № 4. С. 138–172.
17. Мотрич Е. Л. Дальневосточный регион в демографическом пространстве России: пореформенный тренд // Пространственная экономика. 2017. № 3. С. 133–153.
18. Донец Е. В., Чудиновских О. С. Современные тенденции миграции в регионах Дальневосточного федерального округа // Уровень жизни населения регионов России. 2017. № 4 (206). С. 88–94.
19. Зубаревич Н. В. Четыре России // Ведомости. 30.12.2011. URL: https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2011/12/30/chetyre_rossii (дата обращения: 10.11.2021).
20. Комков Д. Е., Киричек П. Н. Регионы в зоне демографического риска: минус-тенденции миграции и урбанизации // Регионоведение. 2017. № 1 (98). С. 139–148.
21. Ерохин Н. А. Механическое движение населения в России как политическая проблема // Вестник Московского государственного областного университета. 2019. № 1. С. 34–47.
22. Рязанцев С. В., Сигарева Е. П. Демографические, социально-экономические и политические последствия миграционных процессов для Российской Федерации // Региональные проблемы преобразования экономики. 2016. № 3 (65). С. 94–102.
23. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2019 году // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). URL: https://gks.ru/bgd/regl/b20_107/Main.htm (дата обращения: 12.09.2021).
24. Качество жизни в российских регионах – Рейтинг 2019 // РИА Рейтинг. URL: <https://riarating.ru/infografika/20200217/630153946.html> (дата обращения: 12.09.2021).
25. Национальный туристический рейтинг – 2019 // Национальный рейтинг. URL: <http://russia-rating.ru/info/17205.html> (дата обращения: 12.09.2021).
26. Человек и инновации. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации. Аналитический центр при правительстве Российской Федерации. 2018 // Публикации. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/228606323.pdf> (дата обращения: 12.09.2021).
27. Национальный экологический рейтинг // Зеленый патруль. URL: <http://greenpatrol.ru/ru/stranica-dlya-obshchego-reytinga/ekologicheskij-reyting-subektov-rf?tid=388> (дата обращения: 12.09.2021).
28. Ерохин Н. А. Региональные демографические процессы в политическом измерении // Pro nunc. Современные политические процессы. 2015. № 1 (14). С. 152–164.